

— Это что еще такое?

Тун Сю впопыхах выбежал наружу и поддержал с трудом вернувшегося Суй Чжуня.

Суй Чжунь сдал с таинственным и непроницаемым лицом:

— Дело покойного императора еще не завершено наполовину, как он пнул камень.

Ничего не поняв, Тун Сю хлопал своими большими глазами, точь-в-точь как у той свинки.

— Палец на ноге твоей женушки сломан, — вздохнул Суй Чжунь.

— Ай! — Тун Сю тут же присел на корточки, собираясь осмотреть его ногу.

Суй Чжунь тут же отпрыгнул на одной ноге:

— Нет-нет-нет, я ведь так давно не мыл ноги, от них разит кислятиной.

— Я же не брезгую, — у Тун Сю был совершенно наивный взгляд.

Суй Чжуню хотелось закрыть лицо руками:

— Зато я сам брезгую.

Он принялся на все лады объяснять, что ранен не тяжело, перелом уже вправили, просто в ближайшее время нельзя выполнять тяжелую работу, и лишь так отговорил Тун Сю от затеи посмотреть на ногу.

— Тогда тебе в последнее время нужно поменьше ходить, и свиней тоже не корми, — встревожился Тун Сю.

Суй Чжунь никак не ожидал, что даже в беде найдет свое благополучие, и улыбку в уголках рта не получалось сдержать, как он ни старался.

— Посмотрим, подметать-то я все равно смогу, — лицемерно изрек он.

Войдя во двор, Тун Сю попытался проводить Суй Чжуня в комнату.

Суй Чжунь удивился:

— А обедать мы не будем?

— Обед? — Тун Сю ошарашенно хлопал личиком. — Какой еще обед? В нашем доме едят всего два раза в день — утром и вечером.

— Чего? — голос Суй Чжуня даже повысился.

Если бы он вдобавок ко всему только что не хромал, то точно подпрыгнул бы от неожиданности.

Он ведь голодал все утро и держался до сих пор лишь благодаря тем словам матушки Тун: если поторопиться, снова наступит время обеда.

Брат-ребенок не понял его вспышки ярости и послушно пояснил:

— Все семьи в деревне едят два раза в день, и это еще хорошо. Если в какой-то год урожай не удастся, то даже на двухразовое питание рассчитывать не приходится.

Конец. Всё кончено.

Теперь надежда в его сердце окончательно угасла.

В глазах Суй Чжуня погас свет.

В тот же момент его живот издал раскатистый грохот, словно выражая протест.

Только тогда брат-ребенок все понял, его ротик снова сжался в ниточку, а на губах заиграла застенчивая улыбка.

— Ты, должно быть, проголодался? Пойдем в комнату, — покраснев, произнес он.

Суй Чжунь: «...Только не надо так говорить! Какой еще голоден, какая комната, звучит так, будто мы собрались заняться тем самым».

При этой мысли в его голове зазвенели тревожные звоночки.

Неужели даже посреди бела дня, при ясном солнце, ему придется рожать детей?

Ни за что, нет! На его лице читался сплошной отказ.

Но Тун Сю никогда не умел понимать отказы: он толкал и пихал Суй Чжуня, пока не затащил в комнату, да еще и нарочно притворил дверь.

Он трепетно взял Суй Чжуня за руку и принялся настойчиво тянуть ее к себе на грудь:

— Давай, потрогай...

Суй Чжунь: «!!!»

Он за обе свои жизни в общей сложности ни с кем не встречался, а стоило впервые потрогать кого-то — и сразу мужскую грудь!

К тому же чертовски твердую и горячую...

— Да что это такое!

Суй Чжунь мгновенно отдернул руку, ладонь даже покраснела:

— Ужас как обжигает!

Тун Сю захихикал, пожалуй, даже свободнее, чем обычно:

— Это пушистые каштаны! Я насобирал их для тебя на горе!

Он вытащил из-за пазухи сверток с печеными каштанами, которые заботливо согревал собственным телом, и те еще были горячими, после чего торжественно протянул их перед глазами Суй Чжуня.

Словно хвастающийся своим сокровищами ребенок, он с сияющими глазами ждал похвалы.

Лицо Суй Чжуня вмиг смягчилось.

Потеплела не только ладонь, но и сердце.

— Пушистые каштаны...

Он поглаживал эти любовно отобранные маленькие каштанчики, испытывая противоречивые чувства.

Пушистые каштаны — это дикие каштаны, деревья которых обычно достигают в высоту десяти-двадцати метров, и их сбор — дело далеко не простое; оступись хоть чуть-чуть, и разобьешься в лепешку.

Этот ребенок ради того, чтобы он просто поел, пошел на такой огромный риск?

— Сегодня такой сильный ветер, ты один осмелился пойти их собирать? — спросил он чуть осипшим голосом.

Тун Сю снова застенчиво улыбнулся.

На его лице еще сохранился детский пух, и улыбка выглядела простодушно-милой.

— Ничего страшного, я же вернулся.

Сказав это, он принялся вовсю подгонять:

— Ешь скорее, ешь давай, пока они горячие — самые вкусные!

Каштаны были заботливо надрезаны; Суй Чжунь очистил один и протянул Тун Сю:

— Сначала поешь ты.

Не ожидав, что собеседник тоже думает о нем, Тун Сю немного удивился, а затем смущенно изогнул губы.

Чуть приоткрыв розовые губы, он прямо с пальца Суй Чжуня стянул каштан.

У Суй Чжуня расширились зрачки:

«Я же сказал тебе поесть, а не есть с моих пальцев!»

Его губы коснулись моих пальцев!

От этого едва уловимого теплого и влажного ощущения Суй Чжуню показалось, что он скатился в бездну еще на фут.

Он больше не смел их чистить и просто высыпал Тун Сю ровно половину.

К счастью, брат-ребенок тоже не придавал этому значения, оставаясь всё таким же мягким и нежным.

Они, съедая по очереди то один каштан, то другой, разделили и прикончили все угощение.

Пока в животе было пусто, это еще куда ни шло.

Но стоило желудку наполниться, как ощущения тут же дали о себе знать.

Рука Суй Чжуня, сжимавшая каштан, замерла.

— Что такое? — спросил Тун Сю.

Суй Чжунь натянул лицо:

— Где... уборная?

Тун Сю на мгновение замер и прикрыл рот рукой, хихикая:

— Она на заднем дворе, иди за мной.

На заднем дворе было свалено много всякой всячины, а в узком проходе к вершине стены вела приставная лестница.

Суй Чжунь почувствовал невероятное изумление:

— Чтобы сходить посрать, нужно лезть на стену?

Тун Сю кивнул.

Суй Чжунь заметил, что на самом верху стены сооружена маленькая соломенная крыша, и, подумав немного, решил, что это даже неплохо.

Он слышал, что в древности для отправления естественных надобностей просто выкапывали яму под открытым небом и клали сверху доску, позволяя одновременно испражняться фонтаном и наслаждаться природными пейзажами: как мухи бьют под небесами, а опарыши пикируют на дно.

По сравнению с этим такой отдельный туалет был куда лучше.

Однако, когда он, втянув живот, взобрался на стену и заглянул в соломенную хижину, то неожиданно нос к носу столкнулся с парой огромных глазищ.

Его картина мира подверглась сильнейшему удару.

— Почему внизу... свинарник?! — голос его изменился до неузнаваемости.

Тун Сю стоял у подножия стены, склонив голову набок и ничего не понимая.

— Так и должно быть, — нежным голоском произнес он.

— Экскременты падают в свинарник, смешиваются с грязью, свиньи постоянно их топчут, и потом получается превосходное удобрение. Если посыпать им посеы и овощи, они будут расти быстро и на славу.

Суй Чжунь впал в депрессию.

Он еще мог смириться с тем, что испражнения в компании мух и жирных опарышей — это не слишком приятно, но он никак не ожидал, что за этим процессом будут наблюдать свиньи.

Он чуть не заработал запор.

А Тун Сю все еще кричал снизу:

— Ты нашел бамбуковую палочку? Она висит на стене, чуть в стороне. Поищи хорошенько.

Бамбуковая палочка для подтирания — палочка из бамбука, похожая на современную мешалку для дерьма.

Настроение Суй Чжуня было сложным.

Уборная была настолько крошечной, что его габариты заполняли ее целиком, — разве ее нужно было искать?

Когда он присел на корточки, эта палочка висела прямо перед его глазами.

Почти касаясь его носа.

И это палочка, которой вытирали чужие задницы...

Суй Чжунь молча развернулся, предпочитая выставить свою белую голышку к двери.

— Я не привык пользоваться этой палочкой, не мог бы ты найти мне немного листьев? — глухим голосом произнес он.

Хотя Тун Сю и не понимал, но уважал его прихоть.

Вообще-то, многие в деревне не умели пользоваться палочками для подтирания: деревенские люди грубы, обходились сухой травой или камешками, и на том спасибо.

Это он сам такой привередливый: услышав, что существует такая вещь, как палочка, непременно смастерил ее.

Раз уж его женушка тоже не привыкла ею пользоваться, ну и ладно.

Тун Сю протянул пучок сухой травы.

Хоть это и не те листья, на которые он рассчитывал, задница Суй Чжуня уже почти окоченела, так что оставалось лишь скрепя сердце принять это.

Когда он слез со стены, ноги у него онемели от сидения на корточках.

Тун Сю помог ему вернуться в комнату и усадил, а сам снова убежал наружу, заявив, что ростки пшеницы за домом нужно полить.

Он вертелся как волчок.

Погода становилась все теплее, требовалось полоть сорняки, пахать землю, выращивать рассаду...

Работы было непочатый край.

На душе у Суй Чжуня скребли кошки.

<http://bllate.org/book/19375/1893804>